

№ 26871

Литературные замѣтки.

А. Чеховъ: «Домъ съ мяономъ», рассказъ художника. («Русская Мысль», № 4).

I.

Чѣмъ больше ждутъ отъ г. Чехова крупныхъ произведений, тѣмъ меньше дѣлаются его рассказы. Если-бы не боялись впасть въ ошибку, можно было-бы подумать, что онъ мститъ кому-то. Это постоянное суживаніе рамокъ своихъ произведений, безъ явного намѣренія сконцентрировать и свое вниманіе, и вниманіе читателя на одномъ какомъ-либо фактѣ, безъ широкаго освѣщенія его, безъ перспективъ, безъ фона, невольно бросаются въ глаза рядомъ съ настойчивыми требованиями цѣнителей художественнаго таланта г. Чехова, совѣствующихъ ему выступить, наконецъ, съ крупнымъ произведеніемъ, въ которомъ всѣ положительныя стороны его таланта могли-бы опредѣлиться съ достаточной ясностью. Въ послѣднее время, впрочемъ, критика уже не настаиваетъ, а г. Чеховъ продолжаетъ уменьшать свои рассказы, какъ-бы подчиняясь инертной силѣ. Будетъ-ли это продолжаться и дальше? Что если, идя все къ томъ-же направлению, г. Чеховъ будетъ все болѣе и болѣе сокращать размѣры своихъ рассказовъ и дойдетъ до того, что для ознакомленія съ ними нужно будетъ прибѣгать къ лупѣ?

Сами по себѣ небольшія произведенія не могутъ служить предметомъ упрековъ. Пусть золотникъ малъ, но зато онъ дорогъ, а Федора всегда дура, хотя ростъ ея большой. Одно только нехорошо: въ маленькомъ произведеніи автору негдѣ развернуться. Чѣмъ сложнее явленіе, тѣмъ оно требуетъ больше мѣста. Какъ выразить на двадцати страницахъ мысль, требующую для своего всесторонняго изложенія цѣлаго тома? Въ пользу г. Чехова говорить только одно обстоятельство. Жизнь наша какъ-бы не особенно располагаетъ художника къ широкимъ картинамъ. Кому охота рисовать степь или одиозную пустыню? Но это только повидимому. Все зависитъ отъ того, подъ какимъ угломъ зрѣнія смотрѣть на вещи. Если сердце настроено минорно—и жизнь будетъ казаться мрачною и безнадежною; если, наоборотъ, оно полно любви—и жизнь покажется свѣтлою и лучезарною. Свѣтъ не въ насъ, а среди насъ. Самое содержаніе рассказа г. Чехова можетъ служить хорошей иллюстраціею къ этому отношенію. Художникъ встрѣ-

чается съ учительницею земской школы и вскорѣ разстается съ нею. Вотъ и все. Самъ по себѣ фактъ не представляетъ ничего особеннаго, ничего даже любопытнаго, если вынести къ нему съ той поверхностностью, съ которой отнесся къ нему г. Чеховъ; но что просто и нелюбопытно для одного, можетъ быть сложнымъ и интереснымъ явленіемъ для другого. Иной безглаголиво откинетъ ногой мертвую лягушку, попавшуюся ему на дорогѣ, а другой воспользуется такою же мертвоею лягушкою для выводовъ научнаго характера. О случайной встрѣчѣ художника съ сельскою учительницею можно сказать то-же самое. Это—или мимолетное явленіе, не представляющее никакого интереса, или сложный фактъ, который подъ рукою художника-анатома можетъ принять огромные размѣры.

II.

Г. Чеховъ, повидимому, держится перваго мнѣнія. Послушный его волѣ, художникъ-пейзажистъ, столкнувшись съ Лидіею Волчанинковою, горячій сторонницей идеи борьбы съ деревенскою тьмою и народными лъзами, ведетъ съ нею нѣсколько случайныхъ разговоровъ на тему, нужно-ли или не нужно вести эту борьбу, затѣмъ ухаживаетъ за ея молоденькою сестрицею, которую, вслѣдствіе этого, увозятъ, а онъ успокаивается и утѣшается. Самое названіе рассказа «Домъ съ мяономъ» свидѣтельствуетъ, что авторъ не придавалъ ему большого значенія и ограничился изображеніемъ небольшой картинки. А между тѣмъ картина, при нѣкоторомъ анализѣ ея, оказывается вовсе не маленькою. Судя по тѣмъ даннымъ, которыя привелъ г. Чеховъ, въ лицѣ художника-пейзажиста мы имѣемъ дѣло не съ случайнымъ лицомъ, высказывающимъ тѣ или другія положенія, а съ представителемъ огромнаго контингента людей, все болѣе и болѣе завоевывающихъ себѣ первенство въ нашей общественности, а въ лицѣ Лидіи—представительницу другой части русскаго общества, остающейся пока въ меньшинствѣ и принужденной работать въ глуши, невѣдомо для міра и въ непрерывной борьбѣ съ непреодолимыми препятствіями. Иными словами, передъ нами въ микроскопическихъ размѣрахъ все русское общество, какъ-бы расколовшееся на двѣ половины. Съ одной стороны, безпечный квіетизмъ, бѣгущій отъ труда, какъ отъ заразы,—квіетизмъ, смотрящій свысока на самую жизнь съ ея безконечнымъ разнообразіемъ, отдѣляющийся громкими

фразами и не думающій даже когда-либо отрѣшиться отъ своего *dolce far niente*; съ другой—молодая, неокрѣпшая сила, посвящающая себя служенію ближнему и растрачивающаяся въ медленной, но упорной борьбѣ за каждый шагъ впередъ, за каждую пядь земли, на которой должно быть сооружено современнѣе зданіе всеобщаго счастья. Тутъ есть гдѣ развернуться таланту, есть гдѣ показать и свое умѣніе проникнуть въ глубь изображаемыхъ явленій, и свою любовь къ правдѣ, къ свободѣ, ко всему, во имя чего борются и гибнутъ всѣ эти молодые, разрозненные силы... Отчего г. Чеховъ не остановился на этомъ болѣе внимательно? Отчего, натолкнувшись на встрѣчу двухъ представителей различныхъ элементовъ нашего общества, онъ только взглянулъ на нее, какъ на мертвую лягушку, попавшуюся на дорогѣ, и толкнувъ ее ногою, отправился дальше?

III.

Сказать, кто такой художникъ г. Чехова, трудно, такъ какъ, кромѣ нѣсколькихъ небрежно брошенныхъ словъ, въ рассказѣ нѣтъ ничего, что знакомо-бы насъ съ его жизнью, съ его прошлымъ. Да это и лучше. Отсутствие имени и биографическихъ свѣдѣній еще болѣе обобщаетъ въ нашихъ глазахъ типъ, выведенный на сцену, и заставляетъ думать, что передъ нами не Петровъ, Ивановъ или Сидоровъ, а дѣйствительно представитель одной половины русскаго общества со всеми его достоинствами и недостатками. То же надо сказать и о Лидіи, которая въ глазахъ читателя не перестаетъ быть только отвѣченной величиною, идеею. Такъ мы и будемъ относиться къ обоимъ, какъ къ идеямъ. Сошлись двѣ идеи и заспорили. Заспорили онѣ о томъ, нуженъ-ли или не нуженъ медицинскій пунктъ въ Малоземовкѣ. Идея, воплощеніемъ которой является художникъ-пейзажистъ, говоритъ:

— По моему мнѣнію, медицинскій пунктъ въ Малоземовкѣ вовсе не нуженъ.

— Что-же нужно? Пейзажи?—спрашиваетъ другая идея, воплощеніемъ которой является сельская учительница.

— И пейзажи тамъ не нужны. Ничего тамъ не нужно.

— На прошлой недѣлѣ умерла отъ родовъ Анна, а если-бы по близости былъ медицинскій пунктъ, то она осталась-бы жива. И господа пейзажисты, мнѣ кажется, должны-бы имѣть какія-нибудь убійственія на этотъ счетъ.

— Я имѣю на этотъ счетъ очень определенное убѣжденіе; увѣрю васъ. По моему, медицинскіе пункты, школы, библиотеки, аптечки, при существующихъ условіяхъ служатъ только поработѣнію. Народъ опутанъ цѣпью великой, и вы не рубите этой цѣпи, а лишь прибавляете новыя звенья,—вотъ вамъ мое убѣжденіе. Не то важно, что Анна умерла отъ родовъ, а то, что всѣ эти Анны, Мавры, Целагенъ съ ранняго утра до потемокъ гнуть спины, болѣютъ отъ непосильнаго труда, всю жизнь дрожать за голодныхъ и больныхъ дѣтей, всю жизнь бояться смерти и болѣзней, всю жазнь лечатся, рано блекнутъ, рано старятся и умираютъ въ грязи и вони; ихъ дѣти, подростая, начинаютъ ту же музыку, и такъ проходить сотни лѣтъ, и миллиарды людей живутъ хуже животныхъ—только ради куска хлѣба, испытывая постоянный страхъ. Весь ужасъ ихъ положенія въ томъ, что имъ некогда о душѣ подумать, некогда вспомнить о своемъ образѣ и подобіи; голодъ, холодъ, животный страхъ, масса труда, точно снѣговые обвалы, загородили имъ всѣ пути къ духовной дѣятельности, именно къ тому самому, что отличаетъ человека отъ животнаго и составляетъ единственное, для чего стоитъ жить. Вы приходите къ нимъ на помощь съ больницами и школами, но этимъ не освобождаете ихъ отъ пути, а напротивъ, еще больше поработщаете, такъ какъ, внося въ ихъ жизнь новые предразсудки, вы увеличиваете число ихъ потребностей, не говоря уже о томъ, что за мушкетеры и за книжки они должны платить земству и, значитъ, сильнее гнуть спину.

— Я спорить съ вами не стану. Я уже это слышала. Скажу вамъ только одно: нельзя сидѣть сложа руки. Правда, мы не спасаемъ человечества и, быть можетъ, во многомъ ошибаемся, но мы дѣлаемъ то, что можемъ, и мы—правы. Самая высокая и святая задача культурнаго человека—это служить ближнимъ, и мы пытаемся служить, какъ умѣемъ. Вамъ не нравится, но вѣдь на всѣхъ не угодишь.

— Мужичья грамотность, книжки съ жалкими наставленіями и прибаутками и медицинскіе пункты не могутъ уменьшить ни невѣжества, ни смертности, такъ-же, какъ свѣтъ изъ вашихъ оконъ не можетъ освѣтить этого громаднаго сада. Вы не даете ничего, вы своимъ вышестельствомъ въ жизнь этихъ людей создаете лишь новыя потребности, новый поводъ къ труду.

— Ахъ, Боже мой, но вѣдь нужно же дѣлать что-нибудь.

— Нужно освободить людей отъ тяжелаго физическаго труда. Нужно облегчить ихъ ярмо, дать имъ передышку, чтобы они не всю жизнь проводили у печей, корытъ и въ полѣ, но имѣли-бы также время подумать о душѣ, о Богѣ, могли-бы пошире проявить свои духовныя способности. Призваніе всякаго человека въ духовной дѣятельности,—въ постоянномъ исканіи правды и смысла жизни. Сдѣлайте-же для нихъ не нужнымъ грубый животный трудъ, дайте имъ почувствовать себя на свободѣ, и тогда вы увидите, какая въ сущности насмѣшка эти книжки и аптечки. Разъ человекъ сознаетъ свое истинное призваніе, то удовлетворить его могутъ только религія, науки, искусства, а не эти пустяки.

IV.

Цитировать дальше нѣтъ нужды. Идеи выяснились. Теперь осталось-бы воплотить ихъ въ реальныя формы, чтобы сдѣлать доступными не только для мысли, но и для глаза. Вѣдь въ этомъ и заключается одна изъ существеннѣйшихъ задачъ художественнаго творчества... Но этого-то именно и не сдѣлалъ г. Чеховъ. Онъ создалъ только два остова и счелъ свою работу оконченною. Но скелетъ вѣдь только основа. Онъ нуждается еще въ плоти и крови, которая сдѣлала-бы его живымъ существомъ. Отчего г. Чеховъ не занялся остальной, самой важной частью своей работы? Отчего онъ ограничился только намекомъ на картину и не пошелъ дальше по намѣченному направленію? Сюжетъ богатый, и картина могла-бы разрастись до крупныхъ разнѣровъ. Или онъ въ самомъ дѣлѣ кому-то мститъ, а можетъ быть, просто... боится?

Намъ нѣтъ дѣла до причинъ, заставляющихъ художника останавливаться на томъ или другомъ явленіи, но мы можемъ требовать, чтобы, разъ прикоснувшись къ той или другой извѣ, художникъ дѣйствительно обнажилъ ее во всей ея безпощадной реальности. Душевный квіетизмъ, воплощеніемъ котораго является художникъ-пейзажистъ г. Чехова, слишкомъ чувствительная рана, чтобы можно было удовольствоваться однимъ наоминаніемъ о ней. Русскому обществу еще рано искать себѣ отдыха и утопать въ блаженномъ *far niente*. Оно слишкомъ еще молодо. Оно мало работало, и то, что для народовъ Запада есть дѣло далекаго прошлаго, для насъ представляется только призракѣмъ, витающимъ въ неопредѣленныхъ пространствахъ будущаго. Какъ неразоблачить эту

язву кветнама? Какъ не увлечется художнику гражданскій пыломъ в. подобно Антонию надъ трупомъ Цезаря, не поднять ткани, закрывающей отъ взоровъ окровавленное тѣло? Художникъ, какъ и врачъ, нѣтегъ не только права, но и обязанности. Онъ можетъ увлекаться тѣмъ угодно, можетъ рисовать пейзажи, можетъ отдаваться «сладкимъ звукамъ и молитвамъ», но, разъ коснувшись болѣзненнаго явленія, онъ долженъ не только констатировать его, но и лечить...

V.

Мнѣ не хотѣлось-бы разстаться съ рассказомъ г. Чехова, не сдѣлавъ нѣкоторой догадки. Г. Чеховъ, повидимому, руководствовался тайнымъ желаніемъ выразить въ художественной формѣ споръ между представителями идеи искусства для искусства и сторонниками идеи искусства для жизни. Для этого онъ рядомъ съ Лидіею, представляющею, какъ мы видѣли, сторону послѣднего рода искусства, изобразилъ еще и ея молоденькую семнадцатилѣтнюю сестрицу Мисюсю (уже одно имя чего стоитъ!), которая, по молодости лѣтъ или просто по инстинктивному влеченію, сочувствуетъ художнику-пейзажисту, иными словами, представляетъ собою сторону противоположнаго взгляда на искусство. Она легка и граціозна. У нея блѣдное лицо, тонкая шея, тонкія руки, она слаба и живетъ праздно... Кажется ясно? Но еще болѣе наталкиваетъ на эту мысль присутствие среди сестеръ ихъ матери, которая какъ-бы является примирительнымъ звеномъ между ними. Она всецѣмъ согласна съ Лидіею, она обожаетъ ее, но въ то-же время она тайно хотѣла-бы, чтобы дочь ея не вдавалась въ крайности, чтобы и она представляла собою золотую середину...

— Лида зачѣмъ такой человѣкъ, — сказала мать (въ бесѣдѣ съ художникомъ) и прибавила въ полголоса тономъ заговорщицы, испуганно оглядываясь: — Такихъ днемъ съ огнемъ поискать, хотя, знаете-ли, я начинаю немножко беспокоиться. Школа, аптечки, книжки — все это хорошо, но зачѣмъ крайности? Видѣ ей уже двадцать четвертый годъ, пора о себѣ серьезно подумать. Этакъ за книжками и аптечками и не увидишь, какъ жизнь пройдетъ... занужь нужно.

Не берусь утверждать, что моя догадка близка къ истинѣ, но одновременное пребываніе въ одномъ домѣ съ мезонинномъ Лидіею, отрицающей пейзажи, Мисюсю, проводящей время въ чтеніи и бездѣлѣ, и ма-

тери ихъ, воплоти сочувствующей старшей дочери, но въ то-же время тайно желающей ей выйти замужъ, — все это невольно будитъ мысль, что дѣло не такъ просто, что у г. Чехова была идея, можетъ быть, не вполне выискиваемая, но несомнѣнная идея. Въ жизни все такъ спутано и перемѣшано. Добро встрѣчается рядомъ со зломъ, ложь — съ правдою, ненависть — съ любовью. Укажите человѣка, которому были-бы присущи только одни положительные или отрицательныя качества. Укажите идею, которая не могла-бы встрѣтить возраженій. Философія жила тысячекратно и послѣ цѣлой лѣтислицы послѣдовательныхъ отрицаній того, что было ею сдѣлано до того времени, кончила тѣмъ, что не можетъ указать ни одного положенія, которое считалось-бы безспорнымъ. Не то-же-ли и съ спорами объ искусствѣ? Искусство облагораживаетъ нравы, поднимаетъ надъ уровнемъ обыденной жизни, — говорятъ одни; искусство должно облажать и лечить раны па общественномъ организмѣ, — говорятъ другіе. Кто изъ нихъ правъ и кто ошибается? Г. Чеховъ, если догадка моя вѣрна, рѣшаетъ этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что оба искусства должны жить рядомъ, и что тутъ-же, какъ необходимый спутникъ, должно присосѣдяться и третье искусство, представляющее собою примиреніе между ними. Въ самомъ концѣ рассказа онъ какъ-будто уклоняется въ сторону (въ этомъ и заключается невыясненность его идеи) и заставляетъ читателей думать, что, *можетъ быть*, художникъ-пейзажистъ вернется къ Лидіе, т. е. вернется къ искусству для жизни. Поправка, которая портитъ все дѣло. Чистое искусство никогда не вернется къ искусству для жизни, какъ, наоборотъ, послѣднее никогда не пойдетъ на встрѣчу искусству для искусства. Они всегда будутъ жить въ обществѣ *рядомъ*, какъ живутъ въ немъ рядомъ и другія противорѣчащія другъ другу явленія. Больше. Эти противоположныя теченія будутъ уживаться вѣсѣмъ не только въ обществѣ, но и въ душѣ cadaго человѣка, какъ-бы ни старался онъ убѣждать себя въ противномъ. Вспомните только блѣднаго атлета, который, въ превосходномъ стихотвореніи А. Толстого, разноситъ въ кругу друзей и знакомыхъ идею верховнаго существа, а, оставшись дома наединѣ съ самимъ собою, съ сердечнымъ трепетомъ восклицаетъ: «Господи! прости мое безумство!»

М. Полтавскій.

<М.И. Дубинскій>